МИХАИЛ КАНТОР

СТИХИ

ПАРИЖ

1968

Не жди от утра просветленья,
Не жди от вечера забвенья,
Не жди от долгой ночи сна.
Не жди от молодости рвенья,
Не жди от старости смиренья —
Пей чашу горькую до дна.

Нас стерегут везде препоны,
Неумолимые законы
И непосильные труды.
Ни раболепные поклоны,
Ни чудотворные иконы
Не отвратят от нас беды.

Не верь словам, молитвам, думам,
Глуши вином, работой, шумом
Свой страх, готовясь умереть.
Или в молчании угрюмом,
Как бедуин перед самумом,
Плащем накрывшись, гибель встреть.

Я не искал забвения в вине,
В игре страстей, в мистическом мираже.
Недвижим, словно часовой на страже,
Я наблюдал, как стынет жизнь во мне.

Что знает мир о ледниках душевных?
Рассеянным пожатием руки
Как передать при встречах повседневных
Назойливый напев своей тоски?

Пускай толпа идет своей дорогой,
Играет, плачет, молится и лжет —
Замкнувшись в необщительности строгой,
Секрет холодный сердце бережет.

На камни серые постылой мостовой
Смотрю, чтоб не встречать унылый взгляд прохожих.
Куда, куда бежать от скуки мировой?
И где найти людей, на этих не похожих?

Зажить ли в шалаше на дальнем берегу?
Спастись на кручи гор, в дремучий лес, в пустыню?
Прости мне, Господи, прости мою гордыню:
Не от людей, я от себя бегу.

Так, не построив ничего —
Ни теоремы, ни лачуги,
Труд превративши в баловство
И промотав свои досуги,
Плетусь протоптанной тропой
И замечаю вдруг, что в чаще
Она теряется глухой,
Непроницаемой, грозящей.

Земных божеств сияющие храмы,
Людских торжеств шумливые пиры —
Я их бегу невольно и упрямо,
Миражей недоступной мне игры.

Стою один, как будто мне известна
Иная тайна и иной закон.
Страна, где ваша радость неуместна,
Где истиной иной я покорен.

О, не считайте гордостью провидца
Мои слова. Поймете-ль вы, друзья,
С каким трудом все это говорится,
Как счастлив был бы в ваших играх я?

Мне с людьми не по дороге
(Хоть признаться в том нельзя).
Волочу насилу ноги
И крута моя стезя.

Память, спутник мой печальный,
Я-ль, скажи, тебя призвал
Разделить со мной прощальный,
Смежный с пропастью привал?

Иль без зова налетело
Тучей прошлое мое,
Как на стынущее тело
Налетает воронье?

Как куклы старой карусели,
Мелькают, повторяясь, дни,
Со скрипом тянутся недели.
Проснись — усни, посей — пожни.

От воскресенья до субботы,
От января до декабря
Все те же скучные заботы.
День-ночь-заря, день-ночь-заря.

И только об одном молю я:
Чтоб в час, когда воскреснет плоть,
Меня презрительно минуя,
Бессмертья не дал мне Господь.

Стирают волны, набегая,
Песку доверенный рассчет.
И мысль заплывшую другая
Сменит — и тоже заплывет.

Я безрассудно силы трачу
В надежде чудо совершить —
Неразрешимую задачу
Без Божьей помощи решить.

О себе не говори,
Лучше о себе не помни.
Ты на свете избери
Уголок да поукромней.

Все, что знаешь, знай, но прячь:
Никуда спешить не надо.
Пусть несется мимо вскачь
Обезумевшее стадо
Лицемеров и рвачей
За фортуною в погоне,
Ты не с ними, ты ничей,
Тихий зритель на балконе.

Китайской стеной обнести свою душу
Кто хочет, кто может, кто смеет? Изгнать
Докучную память и совесть-кликушу
И знать только то, что не тягостно знать.

Но бремя познанья несем мы упорно,
И жаден наш взгляд и наш слух напряжен,
Как будто какой-то рукой благотворной
Вдали нам маяк искупленья зажжен.

Со всеми, верно, так бывает
(Один закон для всех сердец):
Вдруг день ненастный наступает,
Тот день, когда мы, наконец,
Творя суд праведный и строгий
И избегая громких слов,
Подводим жалкие итоги
Безумно прожитых годов.

Звучит как стон былого эхо,
Напиток жизни нам претит,
Но непонятную утеху
Смертельный яд его таит.
Как будто есть кому злорадно
Послать язвительную весть
И в приговоре беспощадном
Заключена кому-то месть.

Ночь мучительная длится
И не сходится со сном...
Что случилось, что творится
За бледнеющим окном?

Это ветер, это ветер
Ускоряет свой полет,
Это ветер на рассвете
Песни дикие поет.

Все упрямей, все сердитей
Ставни, двери треплет он.
"Отворите! отворите!
Поднимайтесь, что за сон?

"Я несу вам рокот моря,
Шорох муромских лесов,
С азиатских плоскогорий
Топот вольных табунов"...

Выйду ль ветру, как бывало,
Широко подставить грудь,
Иль забьюсь под одеяло,
Чтоб не слышать и заснуть?

Кто же мне унять поможет
Мысли медленный огонь,
На горячий лоб положит
Мне прохладную ладонь?

Неужели озарений
Жду еще в последний час?
Или робких вдохновений
Поздний отблеск не угас?

И все тот же, вечно новый,
Предстоит вопрос уму:
Разорвать свои оковы?
Полюбить свою тюрьму?

Лижет ноги теплая волна,
Вкрадчив, нежен океан со мною,
Ластится сомнабула-луна,
Тянет с суши сладостью земною: —

Не поддамся, знаю, Сатана,
Что за страшной заплачу ценою
За желанье этот миг продлить,
Длившееся только миг желанье...

Как легко, уносясь в высоту
Розовеющей дымкой тумана,
Как легко позабыть на лету
Вековечный закон океана.

Охлаждаясь, не жалей
О бесплотности вчерашней:
Чем полет твой был бесстрашней,
Тем падение страшней.

Может быть, возвращаясь домой
Мелкой каплей дрожащей от боли,
Ты уже на пороге иной,
Безымянной, но радостной доли.

Каждый день в неведомые страны
Медленно уходят корабли,
Покидая берег наш туманный,
Забывая дикий шум земли.

О, я знаю (я ведь не мечтатель,
Не поэт, меня не обмануть),
Что не царь заморский, а стяжатель
Снарядил суда в далекий путь.

Знаю, не к Аркадии блаженной
Держит курс угрюмый рулевой,
Не о чаше Грааля священной
Говорят матросы меж собой.

Так... но все-же что-то обещает
Мне надрывный, трепетный гудок,
И потом слежу, как тает, тает
В бледном небе тоненький дымок.

Взглядом влажным, скорбным бесконечно
Под дугой надломленной бровей
Провожаешь наших ты, беспечно
На войну идущих, сыновей.

Ты-ль не знаешь муки ожиданья?
Ты-ль бессонных не поймешь тревог?
Ты полна, Царица, состраданья,
Но твой взгляд и милостив, и строг.

Научи ты грешных нас молиться
Так, чтоб были все в мольбе равны:
Иль никто не должен возвратиться,
Или все должны быть спасены.

Двоится образ твой в тревожных сновиденьях,
Как бледный диск луны на темной ряби вод:
Я знаю, это ты, но все в твоих движеньях
И в голосе твоем другую выдает.

Послушно музыке несбыточных гармоний,
Ночное сердце ждет и бьется все быстрей,
Ловя, бессильное, ответ потусторонний,
Бессмысленный в прозрачности своей.

Пустеет мир. Изнемогают солнца
В борьбе неравной с холодом, и свет
В ничто уходит, с бытием прощаясь.
Но вдруг, о чудо, словно новых вод
Несмелый всплеск, мелодия твоя
Пленительно звучит нежнейшей вестью
(Мне одному лишь внятной дивной вестью),
Как если-б мог еще и мир иной,
Ничьим воображеньем не зачатый,
Родиться и расцвесть и улыбнуться.

Пока не пройден, не изведан
Весь лабиринт твоих страстей,
Я доброй ласковости предан
И верен верности твоей.

Но искажает скальпель злобы
Твое прелестное лицо,
И в снег, в холодные сугробы,
Летит заветное кольцо.

И вот, в потоке дней ненужном
Осталось только чуда ждать
И, как Назон о небе южном,
О новой нежности мечтать.

День сегодня выдался хороший
И над морем дымка так легка.
Нет на свете тяжелее ноши,
Чем пустое сердце старика.

Есть у неверия границы
(Как безграничной веры нет):
Нам освещают путь зарницы —
Случайный и недобрый свет.

Кого не радует сиянье
Светил извечных, не манит
Успокоительное знанье
Предустановленных орбит?

И работа не спорится,
И безделье невтерпеж.
Скоро сказка говорится,
Жизнь не скоро проживешь.

В дни бездумья, в дни безволья
Черепаший ход часов
Не загнал бы в мрак подполья,
В ненавистный хаос снов.

Как? разве ты не знал, что все это обман:
Над призрачной землей прозрачный призрак неба,
И гордый человек и бедная амеба —
Все только наваждение и дурман.

Как? разве ты не знал... Ты плачешь, друг мой, что ты?
Я только пошутил. Припомни, посмотри:
Благоуханье роз... вечерний пыл зари...
Классических поэм бессмертные красоты...

Давно-ль, еще не зная пашни,
В лесах скитался человек?
И вот природы раб вчерашний
Царем земли себя нарек.

Гордец, все выше, все огромней
Он в небо зданья громоздит:
Каких еще каменоломень
Он не использовал гранит?

Но чем сильнее власть над вещью,
Тем беспощадней власть вещей,
Толпа победам рукоплещет,
Сулящим смерть и муки ей.

К истокам нет уже возврата
И впереди нет ничего:
Неотвратимая расплата
За смертной мысли торжество.

Непонятный пейзаж: это может быть море и дюны,
Или просто зигзаги построенных наспех домов?
Непонятное время: кочуют за холмами гуны,
Иль моторы несутся под рев безобразный гудков?

Стрелка компаса бьется, и кормчих растерянны взоры,
Исчезают светила, за тучами скрыться спеша.
Кто же друг и кто недруг? Рука не находит опоры,
И себя не находит в смятеньи всеобщем душа.

Зачем, зачем сомнительным весам
Доверили мы спор, лишенный смысла?
Колеблется коварно коромысло
И мир вотще взывает к небесам.

Пылают, содрагаясь, города
И смерть в полях снопы из трупов вяжет.
Бог правду видит, да не скоро скажет,
А, может быть, не скажет никогда.

Tu ne quaesieris...

Как и ты, я не знаю, какие нас ждут испытанья,
Как и ты, я блуждаю в тревожной, в отравленной тьме,
Только я не хочу ни советов, ни веры, ни знанья,
Замыкаюсь упрямо в своей добровольной тюрьме.

Жить осталось не долго — нам всем да и нашей планете,
Право, стоит ли нам предаваться пустой ворожбе?
Поздно, поздно гадать. Что-б теперь ни случилось на свете,
Не откроются райские двери ни мне, ни тебе.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Не жди от утра просветленья 5
Я не искал забвения в вине 6
На камни серые постылой мостовой 7
Так, не построив ничего 8
Земных божеств сияющие храмы 9
Мне с людьми не по дороге 10
Как куклы старой карусели 11
Стирают волны, набегая 12
О себе не говори 13
Китайской стеной обнести свою душу 14
Со всеми, верно, так бывает 15
Ночь мучительная длится 16
Кто же мне унять поможет 17
Лижет ноги теплая волна 18
Как легко, уносясь в высоту 19
Каждый день в неведомые страны 20
Взглядом влажным, скорбным бесконечно 21
Двоится образ твой в тревожных сновиденьях 22
Пустеет мир. Изнемогают солнца 23
Пока не пройден, не изведан 24
День сегодня выдался хороший 25
Есть у неверия границы 26
И работа не спорится 27
Как? разве ты не знал 28
Давно-ль, еще не зная пашни 29
Непонятный пейзаж 30
Зачем, зачем сомнительным весам 31
Как и ты, я не знаю, какие нас ждут испытанья 32

IMPRIMERIE BERESNIAK
18, RUE FAUBOURG DU TEMPLE
——— PARIS - XI ———